

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Б43

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 150

Оформление *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Б43 Белогорский, Евгений

Во славу Отечества! : роман / Евгений Белогорский. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-113431-0

Благодаря мужеству и решительности капитана Покровского, командира одного из блокированных на подступах к столице воинских эшелонов, батальонам Корнилова удается прорваться к столице и низложить Временное правительство Керенского.

Став Верховным правителем России, генерал Корнилов сумел остановить разложение армии и стабилизировать положение на фронтах. Впереди отражение попытки немцев высадить десант в Моонзунде и разгром противника на Кавказе, а у флота цель — Босфор и Стамбул.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-113431-0

© Евгений Белогорский, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Долгое время тема Первой мировой войны и участия в ней России если не была под запретом, то по крайней мере старательно оттеснялась на второй план, подобно малозначащему событию. Как у советских историков, так и у сменивших их демократов, Отечественная война 1914 года в учебниках истории описывается крайне сжато и поверхностно, как скромная предтеча двух революций и Гражданской войны, действие которых неизменно описывалось с большим вниманием, смещая минусы и плюсы этого события в зависимости от политических предпочтений автора.

Все военные неудачи русской армии объяснялись ограниченностью царя, тупостью его генералов и полной технической отсталостью страны. При этом старательно затушевывались успехи русского оружия на Кавказе, наступление в Галиции 1914 года и знаменитый Брусиловский прорыв, деяние, подобным которому не могли похвастаться западные союзники ни до, ни после его свершения.

Господа историки старательно замалчивали о славных деяниях простых солдат и офицеров, которые из-за нехватки патронов и снарядов были вынуждены отходить летом 1915 года, под натиском многократно превосходящих сил германского рейхсвера. Отступая из-за угрозы неминуемого окружения, непрерывно сражаясь с наседающим врагом, русские солдаты и офицеры сотворили настоящий подвиг. Они смогли остановить

рвущегося врага на западных рубежах Прибалтики, Белоруссии и Украины, не допустив дальнейшего продвижения врага в глубь страны, подобно тому, как это было потом в 1941–1942 годах.

К началу 1917 года Россия смогла самостоятельно ликвидировать снарядный и патронный голод, наладить массовый выпуск различных видов не только стрелкового вооружения, но и даже таких, как броневики, бронепоезда и аэропланы. Полностью отказавшись учитывать интересы западных союзников, начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Алексеев в предстоящей кампании намеревался реализовать те стратегические планы страны, которые предполагалось исполнить летом 1914 года и которые были свернуты под нажимом западных союзников.

Алексеев предполагал силами Черноморского флота провести Босфорскую операцию по захвату Стамбула, а также начать генеральное наступление против Австро-Венгрии с одновременной активностью армий Западного и Северного фронтов, с целью нейтрализации действий германских войск. В результате предполагаемых операций кайзеровская Германия лишалась двух, а то и трех своих стратегических союзников, что делало бессмысленным дальнейшее ведение войны. Начни Россия свое наступление, и война могла бы закончиться на год раньше, осенью-зимой 1917 года, а не 1918-го, как это было в действительности. О том, что русскую армию ожидал успех, свидетельствуют первичные результаты летнего наступления генерала Брусилова, которое было сорвано в результате отказа революционных комитетов продолжать наступление.

Перед началом кампании 1917 года у России было всё: и свежие, хорошо вооруженные армии, и флот, который получил пополнение в виде двух линкоров, но

все планы были перечеркнуты жирным крестом февральской революцией. Причина, её породившая, заключалась в удачном слиянии интересов большого капитала и господ думских либералов, действия которых были поддержаны генералами, решившими избавиться от своего Верховного Главнокомандующего в лице царя Николая II.

Главной повивальной бабкой второй русской революции была британская разведка. Её причастность к событиям в Петрограде в феврале 1917 года сегодня нехотя, сквозь зубы признают как наши, так и западные историки. Усиление России после окончания войны было крайне невыгодно для Британской империи, поскольку, согласно секретным договоренностям, неоднократно подтвержденным в ходе войны союзниками, к русским отходили черноморские проливы. Это было главным условием участия России на стороне Антанты, что коренным образом изменяло бы всю геополитическую обстановку мира, и этого Лондон допустить никак не мог.

Под пафосный разговор о присоединении страны к демократическим ценностям господ болтуны во главе с Керенским полностью лишили Россию армии и флота, которые стремительно деградировали с каждым месяцем наступившей свободы, быстро превратившейся в вольницу.

Августовский путч генерала Корнилова мог, с определенным скрипом и кровью, кардинально изменить внутреннее положение в Петрограде с введением временной военной диктатуры. Лавр Георгиевич был хорошо известен в войсках, и именно благодаря его жестким мерам германский фронт не развалился под напором рейхсвера, как он позорно развалился потом, в феврале 1918 года.

Однако в дело вновь вмешались британцы, которые сначала поддержали действия Корнилова по установлению твердой власти в стране, а после того как генерал отдал приказ о выдвижении верных ему войск на Петроград, немедленно переключились на поддержку Керенского. Итог августовского путча — арест Корнилова и полная деморализация русской армии. Через два месяца последовал октябрьский переворот, и страна погрузилась в кровавую трясину Гражданской войны.

Все это позволило господам союзникам с чистой совестью не платить по старым долгам и обязательствам России, и кровь миллионов русских солдат, павших на полях сражений, оказалась напрасно пролитой. Верхом цинизма и беспринципности союзников был их отказ эмиссарам Белого движения в праве участия на Версальской конференции стран-победителей в 1919 году, притом что сама Антанта активно поддерживала Белое движение в борьбе против большевиков. Туда была допущена даже Румыния, которая, так же как и Россия, в 1918 году подписала сепаратный мирный договор с Германией. Эта страна была полностью прощена и даже получила значительное территориальное приращение за счет Болгарии, Австро-Венгрии и России.

Такова подлинная история Отечественной войны 1914 года, о которой даже сейчас, по прошествии почти ста лет с момента её начала, в нашей стране не очень принято вспоминать добрым словом.

Глава I

ДУМЫ О БЫЛОМ

Личный адъютант Верховного командующего русскими войсками Лавра Георгиевича Корнилова капитан Покровский неторопливо курил папиросу, стоя в холодном тамбуре литерного поезда. Являясь походной ставкой на колёсах, поезд стоял на одной из боковых веток Могилева, готовый в любой момент развести пары, чтобы незамедлительно доставить генерала в любую точку воюющей России. Заняв пост главнокомандующего русской армии с июля семнадцатого, Корнилов уже успел исколесить на своем литерном поезде почти добрую половину России, желая выполнять свои обязанности как можно лучше.

У капитана ещё было достаточно времени перед началом совещания у командующего, на котором должно было пройти обсуждение положения на фронтах страны, и поэтому, стоя в холодном тамбуре в наброшенной на плечи шинели, он медленно и неторопливо пускал сизые кольца дыма в раскрытое окно.

Солнце уже стремительно проходило свой путь к линии горизонта, щедро окрашивая своими холодными закатными лучами в алые тона огромные снежные сугробы, обильно нанесённые на землю наступившим декабрем.

Шел окаянный 1917 год, который в одночасье перевернул в многострадальной России всё с ног на

голову. На глазах у изумленных жителей страны, подобно карточному домику, в одно мгновение рухнула многовековая царская монархия, и Россия стремительно погрузилась в анархию демократии и свободы, вместе с которыми появились произвол и насилие в самой грубой и разнузданной форме. На белый свет вылезли немыслимые пороки людской души, лишенной каких-либо элементов сдерживания и ограничений.

Бездумно руководимая Керенским Россия кидалась из одной крайности в другую, бездарно теряя от этих преступных действий людские ресурсы, территории и остатки прежнего уважения к себе. Всё это неизбежно приводило к возникновению вопроса о существовании России как суверенного государства.

Глядя на кровавые отблески солнца, капитан с содроганием вспомнил март месяц, когда в армию из Петрограда пришел тот злосчастный приказ № 1, столь ненавистный впоследствии всеми офицерами фронтовиками. Один листок бумаги за подписью Временного правительства смог нанести действующей армии больше вреда, чем сам германский кайзер, вкуче со всеми своими союзниками, вместе взятыми. И хотя потом премьер-министр Керенский и вся его демократическая камарилья рьяно пытались доказать на многочисленных митингах и собраниях, что данный приказ касался только частей Петроградского гарнизона, черное дело было сделано. Запущенный маховик вольницы начал стремительно набирать опасные обороты.

Этому процессу активно способствовали всевозможные представители и комиссары Временного правительства, которые, как по мановению волшебной палочки, устремились из столицы на фронт, стремясь как можно лучше и полнее разъяснить одетым в серые шинели солдатским массам их права и свободы, пода-

ренные им славной Февральской революцией. Одетые в кожаные тужурки с красными бантами в петлице или на рукаве, голосистые ораторы открывали забитому народу всю правду-матку, которую столетиями скрывали от него царские сатрапы. Одного партийного говоруна-разоблачителя сменял другой, сладко обещая русскому крестьянину скорую райскую жизнь, правда, при этом не уточняя ни размеров благодати, ни сроков её наступления.

От подобных демократических заигрываний перед нижними чинами дисциплина в частях стремительно упала, сводя к полному нулю их боеспособность. Получившие право не подчиняться офицерам солдаты немедленно воспользовались этим даром революционного правительства для сведения своих старых счетов с командирами. При этом особо злобствовали не фронтовики, которые, находясь на передовой, прекрасно осознавали необходимость порядка и дисциплины на войне, а тыловые части, не желавшие менять свои тёплые места на холодные фронтовые окопы. Они в полной мере воспользовались вновь приобретённым демократическим правом в виде своей винтовки и горла, когда только возникал вопрос о возможной отправке их на фронт.

Их ненависть и злобный кураж над поверженным начальством Алексей Покровский оценил на собственной шкуре, когда вместе с другими офицерами прибыл на маленькую железнодорожную станцию под Псковом для получения под своё командование нового подразделения. Здесь, в этом уголке бывшей Российской империи, а теперь свободной республики, царила полнейшая «демократия», в которой реальной властью были войсковые комитеты различных мастей, не желавшие более воевать.

Именно такая толпа людей, по ошибке одетая в военную форму, встретила господ офицеров на вокзале, решив раз и навсегда снять вопрос о своей отправке на фронт. Как выяснилось позже, тыловикив заботливо предупредили петроградские доброжелатели, выслав в запасные части телеграмму, сообщавшую солдатским комитетам о планах командования по изменению их дислокации.

Верховодившие в комитетах горлопаны моментально доказали отнюдь не равным в бой солдатам, что всё зло заключается только в офицерах, которые должны прибыть на станцию для исполнения приказа командования.

— Предатели генералы прежнего режима вновь хотят подставить нас под немецкие пули, как безмолвную скотину, — изливали душу ораторы из комитета, едва телеграмма была доставлена по назначению, — разве не мы свергли царя с его сатрапами, втянувшими Россию в эту кровавую бойню. Разве не наши штыки подарили свободу всем жителям нашей страны от мала до велика. И в благодарность за это нас хотят направить на фронт! Мы свободные люди и не желаем больше быть пушечным мясом по приказу их благородий! Покажем господам офицерам нашу солдатскую силу!

Охваченные этим «благородным порывом», тыловики дружно повалили в сторону вокзала для «теплой встречи их благородий», здраво рассудив, что если не будет людей, присланных с приказом, то и не будет проблем. Как только прибывшие офицеры сошли с подножки поезда и двинулись по перрону, к ним моментально подлетели солдатские представители и, подхватив ошарашенных и ничего не понимающих людей под руки, потащили к кирпичной стенке ближайшего пакгауза. Пораженные подобным обращением с ними своих же

солдат, офицеры почти не сопротивлялись, поскольку происходившее событие казалось каким-то чудовищным наваждением. Покровский с ужасом отмечал, что подобное обращение с офицерами для жителей этой станции было уже привычным явлением, подобно некому весёлому развлечению в их серой будничной жизни.

— Офицеров ведут, подариков тянуть! — звонко голосили станционные мальчишки, созывая своими криками всех присутствующих на вокзале и его окрестностях. Раззадоренная столь шумным приглашением толпа энергично валила к стенам пакгауза, образуя большое разномастное сборище зевак, на чью долю выпала возможность поглазеть на бесплатное развлечение. Уподобляясь толпе зрителей в древнем Риме, пришедших посмотреть гладиаторские бои, они пришли насладиться новым представлением, которым их щедро одаривала демократическая Россия. Люди, жизнь которых вот уже три года защищал Покровский, без всякого страха и смущения ждали возможности повеселиться над своими защитниками. Задержавшие офицеров солдаты моментально ощутили мощную поддержку со стороны говорливой толпы и, войдя во вкус, стали разыгрывать представление под названием «справедливый солдатский суд».

Первый, кому довелось испытать на себе его праведную руку, оказался подпоручик Мокриевич. Двое отъевшихся запасников, нещадно дышавших в лицо своей жертве чудовищной смесью из водочного перегара, лука и кислых щей, ловко вывернув Мокриевичу руки, со всего маха бросили подпоручика к ногам чернявого солдатика, чью хилую грудь украшал большой красный бант, неизвестно из чего изготовленный.

— Что, вашбродь, приехали! — визгливо закричал «судья» офицеру, которого подручные заставили встать

на колени, — сейчас с тобой расчет будем производить за всю нашу кровь и пот, которые ты пудами выпил из нашего солдатского брата.

Хлестко и истерично ударяя себя в грудь, солдатик все больше и больше распался от собственного визгливого крика, возводя на бедного Мокриевича одно обвинение страшнее другого. Подобная манера поведения однозначно выдавала в нем представителя криминального мира, которые в большом количестве были выпущены на свободу февральской демократией и активно влились в тыловые части, представляя себя истинными жертвами царизма. Чувствуя себя как рыба в воде, они легко пролезали в низовые солдатские комитеты, подбивая тех к полному неповиновению своим командирам и поискам правды жизни в виде грабежа винных складов или зажиточных людей, объявляя последних немецкими пособниками. Доведя свою истерику до последней звуковой планки, которую позволяли взять его полностью прокуренные легкие, чернявый с силой ударил подпоручика в грудь ногой и пригрозил немедленной смертью, если он сейчас же не снимет свои погоны и не попросит прощения перед солдатами, которых якобы собирался вести под германские пули.

Мокриевич совсем недавно получил офицерские погоны, пройдя ускоренную офицерскую подготовку в тылу, и по сути дела еще не был полноценным командиром. Поэтому он легко сломался и под радостный вой толпы сорвал с себя золотые погоны, бросив их к ногам чернявого, а затем принялся истово молить о прощении.

— Ну что, простим господина офицера, — взвизгнул «судья», и в ответ получил одобрительные крики толпы, — пошел вон, вашбродь, и больше не смей обижать солдатусшек.

Бывший подпоручик молнией взлетел с колен и, пригнувшись, бочком ринулся вдоль стены пакгауза на свободу. Пробежав несколько шагов, он шумно упал, снова вскочил и под улюлюканье и язвительные крики зевак бросился прочь. Довольная показанным представлением толпа радостно загудела и приготовилась к новому зрелищу.

Следующим был штабс-капитан Булыга, которого дюжие хлопчики уже резво тащили к чернявому трибуну для свершения нового справедливого приговора.

— Поучите, братцы, господина офицера хорошим манерам, — взвизгнул комитетчик, и в тот же момент к Булыге подскочило несколько солдат, которые обрушили на него град ударов и затрещин, завершив свое воспитание смачным плевком в лицо, что вызвало всеобщий хохот в рядах собравшихся.

— Не журишь, пан офицер, отдай честь похорошему, — уговаривал Булыгу один из обидчиков, ловко нанеся при этом удар сапогом по голени офицера, отчего тот жалобно вскрикнул и буквально рухнул одним коленом на площадную брусчатку.

Громкий гул одобрения пронесся над площадью, многие из стоявших людей кричали штабс-капитану:

— Сними, сними, сними!

Новый град побоев окончательно сломил Булыгу, и с криком: «Да подавитесь ими!» — он последовал примеру Мокриевича и содрал с себя погоны. Прагматик по натуре, он решил пожертвовать малым, но сохранить жизнь, поскольку разгоряченная толпа солдат уже стала показывать, как она подденет упирающегося офицера на свои штыки.

— Всыпьте его благородию двадцать шомполов и гоните его в шею! — приказал чернявый, чем вызвал новый одобрителный гул собравшейся толпы. Радост-